

В. Ш. Сабиров¹**БУДУЩЕЕ РОССИИ В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ**

В современных дискуссиях относительно России, ее прошлого и современного состояния часто игнорируется религиозно-философский аспект, что, с нашей точки зрения, не только обедняет существо представлений о нашей стране как особой цивилизации, культуре и геополитической реальности, но и делает сомнительными всякие прогнозы относительно ее будущего. Данный материал представляет собой одну из попыток восполнить этот пробел.

Многие прогнозы будущего России, сделанные еще сравнительно недавно, 20–30 лет тому назад, оказались ошибочными. Не углубляясь в содержательную критику этих прогнозов, отметим, что чрезвычайно важным моментом их несостоятельности стало то, что все они были сделаны при определенном умонастроении, каковых, собственно говоря, существует два: оптимистическое и пессимистическое.

Оптимизм (*лат.* *optimus* — наилучший) — это умонастроение и мироощущение, в основе которого лежит убежденность в господстве добра в мире, торжестве справедливости и возможности достижения всеобщего счастья. Впервые этот термин был использован Вольтером для характеристики философского учения Г. В. Лейбница, утверждавшего, что наш мир «наилучший из всех возможных». Впоследствии оптимизм получил более широкое толкование, отражая общую эмоциональную тональность индивидуального или массового сознания. Оптимизм может быть присущ как непосредственно-чувственному мироощущению, так и человеческому мировоззрению в целом. В основном он преобладает в настроениях людей в периоды подъема общества, расцвета культуры и является стимулом для их активного, деятельного отношения к миру и своей судьбе. Оптимистический настрой может возникнуть и во время социальных потрясений, помогая их успешно преодолевать. Доминанта оптимизма в общественном сознании также способствует осуществлению социальных преобразований. Оптимизм в определенных пределах конструктивен, ибо придает чувство уверенности в жизни, ассоциируется с переживаниями удовлетворенности, радости, благополучия и счастья. Однако если он не сопровождается рефлексией, критическим осмыслением действительности, то может принять форму устойчивой психологической установки личности на восприятие только положительных событий. В этом случае в сознании закрепляются различные иллюзии, дезориентирующие людей и препятствующие принятию своевременных решений, волевоу вмешательству в ход общественных процессов.

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема» и др.

Общественное сознание при таком настрое легко поддается дезинформации, манипулированию со стороны заинтересованных в этом социальных групп и властных структур. Прозрение масс, которое со временем наступает, неизбежно оборачивается жестоким разочарованием, и оптимизм сменяется пессимизмом.

Пессимизм же (*лат.* *pessimus* — наихудший) есть мироощущение или умонастроение, в основе которых лежат убеждение в господстве зла в мире и человеке, неверие в установление справедливости, в возможность решения тех или иных социальных проблем. Впервые пессимизмом назвал свое учение Артур Шопенгауэр, объявивший существующий мир «наихудшим из возможных», поскольку в нем царят страдания и несчастья. С позиций пессимизма история рассматривается как неуклонный регресс, а человек воспринимается как существо от природы злое, порочное или слабое и, по существу, не способное в принципе устранить свои недостатки. Пессимистическое видение настоящего и будущего часто сочетается с идеализацией прошлого, которое кажется привлекательным, поскольку минувшее зло теряет свою актуальность для людей, в то время как трудности, проблемы настоящего вызывают чувство постоянной озабоченности или страдания, а неопределенность будущего вселяет сомнения и тревогу. Пессимизм может вырождаться в цинизм и таким образом стать нравственно-психологической основой отклоняющегося поведения. В основном пессимизм получает распространение в кризисные периоды истории и еще углубляет кризис, а люди, испытывающие чувство пессимизма, обречены на социальную пассивность.

То, что и оптимистическое, и пессимистическое умонастроения являются основанием для ошибочного прогнозирования будущего, вполне закономерно с точки зрения религиозно-философского подхода к истории и не только к ней. Оба термина (оптимизм и пессимизм) были введены в культурный оборот европейскими мыслителями, творившими, строго говоря, отнюдь не в лоне христианской духовной традиции, для которой оптимизм равнозначен, по сути дела, самоуверенности и гордыне, а пессимизм тождествен унынию и духовной слепоте. Именно потому оба они и являются собой не что иное, как два смертных греха, которые не могут служить в полной мере созидательным основанием жизни и познания. В основании христианского гнозиса лежит любовь, утверждающая личность в ее земном и небесном бытии. Иначе говоря, христианский гнозис в целом и христианская историософия не могут быть адекватно поняты вне сотериологического контекста, то есть вне идеи спасения человека и человечества Спасителем, олицетворяющим божественную Любовь и божественный Логос.

Нельзя не отметить также, что в отечественном философствовании о судьбах и будущем России, если оно ведется вне подлинно духовно-религиозного контекста, происходит удивительное смешение двух описанных

умонастроений. Для «либерально»¹ ориентированной интеллигенции преимущественно характерно оптимистическое восприятие западного типа культуры и цивилизации и крайне пессимистическое — в отношении к России. У «патриотов»² же, как правило, наблюдается чрезмерный критицизм относительно Запада и квази-любовь к «вечно гибнущей» России. В действительности же эти два умонастроения одинаково одномерны и, следовательно, недостоверны для углубленного осмысления прошлого, настоящего и будущего России и тем более — решительно непригодны для практических преобразований в разных сферах. Более того, отметим, что в своих основаниях отечественный «либерализм» и «патриотизм» смыкаются друг с другом, поскольку оба гиперкритичны по отношению к настоящей России — к той, которая реально существует и так или иначе строится и развивается на наших глазах и с нашим участием³. Люди с обоими умонастроениями крайне утопически воспринимают ту Россию, которой уже нет или еще нет и, быть может, никогда и не будет в силу идеализации дореволюционной России или же «цивилизаторских» возможностей обобщенного Запада.

Однако необходимо отметить, что далеко не всякое религиозно-философское осмысление прошлого, настоящего и будущего России может быть принято безоговорочно, особенно если оно приобретает значение идеологемы.

Возьмем, например, известную формулу: «Москва — Третий Рим»⁴. В свое время предложенная псковским монахом Филофеем великому князю Московскому Василию III, она сыграла положительную роль в консолидации христиан после падения в 1453 году Восточной Римской империи, а в конце XIX века вдохновляла русских в освободительных войнах на Балканах. Эта формула воспринималась и как откровение о судьбе России, и как ее мессианское задание. Однако, с нашей точки зрения, было бы ошибкой воспринимать эту формулу буквально и не критически, не учитывая культурно-исторический и духовный контекст ее возникновения и актуализации в церковном, политическом или массовом сознании.

Ведь, как ни странно, на роль третьего Рима претендовали и претендуют не только Москва. Вашингтон — столица США — это ведь тоже своеобразный Рим, где присутствует Капитолийский холм, как и в Риме на Тибре, а величественное здание Капито-

¹ Ставим в кавычки слово «либерализм», ибо, к сожалению, большинство современных отечественных либералов борются не столько за свободу для всех, сколько за свое право господствовать с идеями свободы над другими людьми.

² Здесь имеется в виду показной и официозный патриотизм, свойственный людям, сделавшим его своим профессиональным делом или своеобразным политическим бизнесом, либо откровенный национализм в худшем понимании этого слова.

³ «Нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш, — писал в свое время И. А. Ильин, — не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; зато выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании, — да славится в нас Воскресение Христово!» (Цит. по: Шмелев И. С. Куликово поле // Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. М. : Русская книга, 1998. Т. 2. С. 133.)

⁴ В русском переводе полностью эта формула звучит так: «Было два Рима, оба пали, Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать».

лия — символ американской демократии и имперской государственности — дает даже больше оснований считать эту столицу Римом, неким современным аналогом древнего, дохристианского Римского государства. С нашей точки зрения, это предположение вполне достоверно с историософской точки зрения, поскольку тип цивилизации, построенный в Северной Америке, и политика этой страны в целом более конгенитальны именно Древнему Риму, чем то, что исторически сложилось вокруг Москвы — столицы Московского царства, Российской империи, Советского государства и, наконец, современной России. В этой ситуации логически и фактически оправдана констатация наличия четвертого Рима, существующего параллельно с третьим, что, безусловно, противоречит упомянутой выше формуле. Какой из них третий, а какой четвертый в контексте историософского прогнозирования будущего нашей страны, чрезвычайно интересно и в качестве особой исследовательской задачи.

Вообще история знает множество примеров мессианского энтузиазма народов, сыгравших в их жизни весьма неоднозначную роль. Размышляя о судьбах России и мира в целом, едва ли возможно рассчитывать на более или менее достоверный прогноз хотя бы ближайшего будущего, если игнорировать мессианскую сущность третьего и четвертого Рима.

Однако мессианизм мессианизму рознь. Американский мессианизм, внутренне питающийся из протестантского и даже кальвинистского источника, оформился идеологически в качестве мифа об американской исключительности и является, по сути, психологическим феноменом, ибо он построен на вере американцев в свое право экспортировать свободу и демократию по всему миру и посредством этого «цивилизующего» экспорта облагодетельствовать человечество. Результаты такого рода мессианизма, особенно в последние 30 лет, по большей части чрезвычайно удручающи. По существу, в своем эмпирическом бытии американский мессианизм фактически редуцировался до империализма и представляет собой угрозу всему человечеству. Русский же мессианизм есть духовное призвание качественно иного рода, его можно условно назвать онтологическим. По-видимому, так исторически сложилось, что и Древняя Русь, и императорская Россия, и СССР жертвенно спасали себя и другие народы от порабощения и гибели, зачастую даже не подозревая о своем якобы мессианском призвании. В настоящее время и постсоветская Россия, несмотря на многочисленные проблемы в ее внутренней политике, демонстрирует архетипически сходное поведение на международной арене. Таким образом, с нашей точки зрения, невозможно делать достоверные прогнозы, если они не будут учитывать столкновение и противодействие двух великих мессианских архетипов — третьего и четвертого Рима.

Наконец, размышляя о возможных последствиях столкновения двух мессианских народов и цивилизаций, нельзя не учитывать духовный аспект современной исторической ситуации.

В «Откровении Иоанна Богослова» читаем: «И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное,

говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай.

И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными¹.

С нашей точки зрения, человечество переживает сейчас переход от третьей стадии апокалипсиса (эпохи «вороного коня» — расцвета торговли и правового регулирования жизни людей и народов) к четвертой (эпохе «бледного коня», характеризующейся хаосом и катаклизмами уже не только на локальном уровне).

Именно поэтому с точки зрения духовно-религиозной и историсофской в контексте осмысления судеб мира и прогнозирования его будущего развития одинаково неприемлем благодушный оптимизм и упование на возможности конструктивного разрешения всех противоречий и кардинальных вопросов мировой политики между двумя державами, у которых в ментальном строе их народов глубоко заложены мессианские архетипы. Однако совершенно недопустим и пессимизм «всепропальщиков», обезоруживающий и политиков, и народные массы. Жизнь продолжается и в апокалиптический период «четвертого коня», и есть некоторые основания полагать, что религиозно-философский взгляд на будущее поэтому является более реалистичным, конструктивным и, быть может, более обнадеживающим для России, которой не на кого сейчас надеяться, кроме себя и Бога.

¹ Отк. 6 : 5–8.